

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

П. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

СЕМИТОЛОГИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ СССР *

Семитология — изучение семитских языков и народов в культурно-историческом отношении — с начала XIX в. была представлена в наших университетах, столичных и провинциальных, где вводилось преподавание восточных языков, обыкновенно только арабистикой; иногда, лишь на первых порах, делались попытки преподавания еврейского языка: так было в Харькове, в Казани и в Москве. Древнееврейский язык с XVIII в. систематически изучался в духовных академиях, но, ограниченный специфически узкой средой, не оказал сколько-нибудь значительного влияния на общее развитие нашей семитологии. Отдельные самородки, конечно, и здесь попадали иногда на широкую дорогу науки. Из этой среды вышли: первый у нас крупный ассириолог-автодидакт М. В. Никольский (1848—1917), выдающийся абиссиновед В. В. Болотов (1853—1900), знаток не только эфиопского классического языка Абиссинии, но и современного государственного — амхарского; переводчик Корана Г. С. Саблуков (1804—1880).

Планомерное преподавание семитологии было поставлено в Петербургском университете только с открытием факультета восточных языков в 1854 г. Наряду с существовавшей и раньше кафедрой арабской словесности, теперь впервые была учреждена самостоятельная кафедра «еврейской, сирийской и халдейской словесности», которую с ее открытия почти в течение полувека возглавлял и большую часть времени единолично представлял Д. А. Хвольсон (1819—1922), объединявший глубокое знание еврейской схоластической традиции с основательной школой западной гебраистики. В связи с его личными интересами преподавание строилось преимущественно под углом культурно-исторической точки зрения; лингвистика в собственном смысле играла меньшую роль. Основной упор делался на изучение памятников библейской и побиблейской талмудической литературы; изредка он затрагивал эпиграфику и палеографию. Значительное внимание уделялось также арамейским наречиям, преимущественно в соответствующих частях Библии и Талмуда, меньше — в памятниках сирийского языка, отчасти и еврейско-арабской философии, главным образом в классическом произведении М. Маймонида.

Ученик и преемник Д. А. Хвольсона П. К. Коковцов (1861—1942) еще до революции значительно расширил круг семитологических дисциплин, представленных на кафедре, создав в каждой области самостоятельную школу. Впервые он стал уделять систематическое внимание ассирийскому (аккадскому) языку, сильно углубил изучение арамейских наречий, выдвинув на первый план сирийский язык с литературой. Он широко развил занятия семитской эпиграфикой, арамейской папирологией и еврейско-арабской письменностью, особенно филологической, связанной с расцветом культуры в Испании. Он и после Великой Октябрьской социалистической

* Статья написана в августе 1947 г.

революции почти 25 лет неустанно продолжал свою работу преподавателя и руководителя; благодаря его трудам удалось сохранить непрерывность семитологической традиции даже в моменты спада интереса к ней в университетской среде. Развитие нашей науки в области общей семитологии за послереволюционный период связано со школой Коковцова, который фактически оставался во главе ее до Великой отечественной войны.

Развитие арабистики в такой же мере связано со школой В. Р. Розена, которую к 1917 г. в Петроградском университете представляли его ученики не только в сфере прямой специальности (Н. А. Медников, А. Е. Шмидт, И. Ю. Крачковский), но и в сопредельных областях, где выделялись такие крупные фигуры, как Н. Я. Марр, В. В. Бартольд и тот же П. К. Коковцов. Арабистика в университете, по традиции Розена, была представлена также преимущественно историко-культурной линией; лингвистика оставалась наиболее слабой ее стороной, и только арабская диалектология еще с 1911 г. стала находить в преподавании систематическое отражение.

Первые 15 лет после Великой Октябрьской революции университетская семитология была лишена единого организующего центра. Распыление с 1919 г. кафедр бывшего факультета восточных языков среди различных факультетов и отделений отрывало их от общей координации; преимущественный интерес к узко практическим целям вывел арабистику за пределы университета, и одно время она была здесь представлена лишь в виде элементарного вспомогательного курса для занимающихся иранистикой и тюркологией. В эти годы начал преподавать в университете талантливый, рано умерший ассириолог В. К. Шилейко (1891—1930) — ученик П. К. Коковцова и М. В. Никольского. Именно этот период 20-х годов выдвинул крупные фигуры — ассириолога А. П. Рифтина, затем исключительно широкого лингвиста-семитолога и африканиста Н. В. Юшманова, столь же широкого семитолога-ираниста и знатока еврейско-арабской письменности А. Я. Борисова, семитолога-этнографа и арабиста-диалектолога И. Н. Винникова, арабиста-литературоведа и историографа В. И. Беляева. Благодаря им и их ученикам постепенно удалось опять организовать единый центр семитологического преподавания в университете.

Таким центром явилась кафедра семито-хамитских языков, возникшая впервые в 1933 г. сначала во входившем в состав университета институте, а затем перешедшая в образованный из него филологический факультет. Кафедра впервые в нашей истории вводила систематическое преподавание ряда африканских языков, главным образом благодаря энергии Н. В. Юшманова и Д. А. Ольдерогге. Среди этих языков фигурировал некогда ранее не изучавшийся у нас в университете современный государственный язык Абиссинии — амхарский, восходящий к семитической основе. В области семитологии при пятилетнем курсе кафедра предусматривала возможность выбора трех основных специальностей — ассириологии, гебраистики и арабистики. Преподавание велось на лингвистической основе с обращением особого внимания на историю языка и сравнительную грамматику семитской семьи языков. Истории литературы уделялось не меньшее место, и программа ее, например, на арабском разделе была рассчитана на четырехлетний курс. Постепенно шло расширение и других областей с последовательным углублением дальнейшей специализации. Кафедра выпустила несколько серьезно подготовленных семитологов по основным представленным на ней областям, однако полное развитие кафедры было прервано блокадой Ленинграда в 1941 г. и последующей эвакуацией университета, которая не давала возможности, ввиду отсутствия соответствующих библиотек и материалов, вести планомерно семитологические занятия.

С восстановлением университетской работы в 1944 г. и с возрождением восточного факультета появилась возможность вместо одной кафедры семито-хамитской филологии организовать три самостоятельных кафедры: 1) египтологии и африканских языков, 2) арабской филологии и 3) гебраистики с ассириологией (представляющей по существу кафедру общей семитологии). Ленинградская семитология понесла особенно тяжелые утраты за время войны и в ближайшие послевоенные годы: она лишилась своего крупнейшего и старейшего представителя П. К. Коковцова (1942) и его талантливого ученика А. Я. Борисова (1942), арабиста Д. В. Семенова (1943), ассириолога А. П. Рифтина (1945), семитолога и хамитоведа Н. В. Юшманова (1946). Их утрата особенно болезненно сказывается именно в лингвистической области, и многие курсы, читанные, например, Н. В. Юшмановым, остались после его смерти не представленными. Несмотря на такие ощутительные лакуны, создание самостоятельных кафедр позволяет постепенно углубить дальнейшую специализацию, вызываемую всем ходом неуклонно дифференцирующейся науки.

На каждой кафедре, помимо основного языка, изучается дополнительный, связанный с ним или генетическим родством или историко-культурными взаимоотношениями (для арабистов, например, предоставляется выбор между древнееврейским или персидским). Первые два курса на каждом разряде носят общий характер и, кроме введения в соответствующую область, дают представление о географии страны, о древней и средневековой истории, общем развитии литературы. Главный упор направляется на изучение литературного языка в различных его памятниках. С третьего курса студентам каждого из основных разрядов предоставляется возможность частичной специализации по четырем основным областям: лингвистике, истории литературы, истории и экономике. Факультативно, при наличии желающих, присоединяется специализация по истории искусства и материальной культуры. На кафедре общей семитологии, помимо двух основных разрядов—гебраистики и ассириологии,—за последние годы, благодаря ученице П. К. Коковцова Н. В. Пигулевской, появилась возможность усилить специализацию по сирийскому языку и литературе, чем и восстановилась давняя традиция факультета восточных языков. Таким образом, в настоящее время можно считать, что четыре из пяти основных областей семитологии представлены в Ленинградском университете если и не в исчерпывающем объеме преподавания, то во всяком случае в таком размере, который дает возможность подготовки специалистов по всем четырем областям.

Пробел чувствуется в сфере южносемитских языков (в пятой области семитологии), в частности, не преподается классический язык Абиссинии, известный в науке под названием эфиопского или ге'эза. Последним пропагандистом его в наших университетских программах был Б. А. Тураев (ум. в 1920 г.); после него только с середины 30-х годов наша связь с абиссиноведением вновь несколько восстановлена преподаванием одного из современных семитских языков Абиссинии, амхарского, которое было введено Н. В. Юшмановым на разделе африканских языков и продолжается одной из его учениц Т. Л. Тютрюмовой. Для охвата всей полноты семитологических дисциплин было бы желательным постепенно восстановить изучение и столь существенной в научном отношении области, как эфиопский язык и литература. Оживление наших культурных связей с Абиссинией еще более усиливает обязанность в этом направлении, а чрезвычайно важные открытия в Южной Аравии за последние годы и быстрый в связи с этим рост новой самостоятельной области — сабаистики, для которой эфиопский язык необходим, настойчиво говорят о том же.

Помимо Ленинградского университета, семитология представлена только

в некоторых других вузах и то лишь преимущественно арабским языком, за единственным исключением, о котором будет речь ниже. Но и арабский язык сохранился далеко не во всех университетах, куда он входил в XIX—XX вв. Он отсутствует в Харьковском университете, в котором впервые в России началось преподавание восточных языков еще в 1805 г., отсутствует он и в Казани, где с 1808 г. работал основатель нашей научной арабистики Х. Д. Френ. Между тем совершенно ясно, какое значение он имеет для изучения истории и культуры средневожского края не только как язык многочисленных источников, но и по всей связи с развитием местной литературы и образованности за последние века. В Московском университете, где в первой половине XIX в. действовал арабист и иранист А. В. Болдырев, а во второй — его ученик П. Я. Петров, только в самое последнее время с организацией кафедр персидского и турецкого языка на филологическом и историческом факультетах возникло и самостоятельное преподавание арабского языка, возглавляемое семитологом-лингвистом Б. М. Гранде. В столице Украины Киеве университетское преподавание поддерживалось лишь факультативно курсом арабского языка для специалистов по древней истории СССР, который велся заслуженным тружеником Т. Г. Кезма — одним из представителей арабско-русских культурных деятелей. Неясным остается, в полной ли мере использована та востоковедная традиция, которая существовала до войны во Львовском университете, где по линии арабистических штудий существовали некоторые специально подобранные книжные и рукописные фонды. Следовало бы, наконец, восстановить ту давнюю семитологическую традицию, которая полтора века культивировалась в университете Тарту.

Несколько шире в отдельные периоды после 1917 г. ставилась попытка университетского преподавания арабского языка в наших братских республиках, связанных своим прошлым с развитием арабской культуры, — в Бакинском и Ташкентском университетах. Основанные преимущественно на использовании местной схоластической традиции, эти попытки редко были длительными и до сих пор не дали существенных результатов.

Единственным центром в СССР, кроме Ленинграда, где постепенно создавалась своя школа семитологии с углубленным вниманием к арабскому языку, оказался Тбилиси. В основании Тбилисского университета в 1918 г. деятельное участие принимали некоторые питомцы Петербургского факультета восточных языков, с самого начала проводившие идею тесной связи востоковедных дисциплин со всей историей и культурой Грузии. Один из основателей университета А. Г. Шанидзе, получивший в Петербурге, кроме углубления своей прямой специальности — грузинской лингвистики, основательную подготовку в арабистике, вел с первых же лет в Тбилисском университете систематический факультативный курс арабского языка, имея в виду постепенно подготовить возможность специализации по нему и вообще по семитологии. Одним из его учеников по университету явился Г. В. Церетели, который в 1928 г. был командирован на ряд лет в Ленинград для углубления своей подготовки специально в семитологию. Здесь он имел возможность в полной мере пройти школу общей семитологии у П. К. Коковцова, арабской лингвистики и диалектологии — у И. Ю. Крачовского и Н. В. Юшманова. Существовавшая в Тбилисском университете с 1933 г. кафедра кавказских и восточных языков благодаря его энергии уже с 1934 г. стала развивать преподавание различных семитологических дисциплин. В 1942 г. семитология получила самостоятельную кафедру, которая за последние годы уже выпустила некоторое количество молодых кадров — учеников Г. В. Церетели — доцентов и ассистентов, обеспечивающих преподавание различных отраслей семитологии.

В основе преподавания лежит арабский язык, как имеющий наиболь-

шее научное и практическое значение для Грузии. На этой базе строится специальное изучение клинописи — ассирийской и халдской, тесно связанных с древней историей Грузии, еврейского языка, важного при исследовании древнегрузинской литературы, староарамейской письменности, роль которой для Грузии особенно повысилась благодаря последним археологическим открытиям, наконец, сирийского языка, не только реально важного для некоторых памятников грузинской литературы, но и представленного в Грузии живыми носителями его в лице обитателей нескольких поселений урмийских сирийцев. Все эти специальные области выдвинули отдельных исследователей, труды которых показывают здоровое понимание общенаучных и местных задач семитологии, как арабист А. С. Лекиашвили, сиролог К. Г. Церетели (однофамилец основателя школы), урартовед Г. А. Меликишвили, не говоря о представителях более молодого поколения, среди которых обнаруживается интерес и к новоарабской литературе, и к арабской литературе на Северном Кавказе.

В 1946 г. на университетской конференции в Тбилиси Г. В. Церетели прочитал доклад «Семитские языки и их значение для изучения истории грузинской культуры», опубликованный в особой серии трудов университета. В нем автор охарактеризовал ту роль, которую играют для разрешения ряда вопросов истории грузинской культуры основные отделы семитологии — изучение ассиро-вавилонского, древнееврейского, арамейского и арабского языков. В связи с этой характеристикой им формулированы и главнейшие задачи, которые стоят перед советскими семитологами, изучающими семитские языки в свете их связей с языками и культурой Кавказа, в частности с грузинским. Статья дает не только схему, осуществление которой предстоит в будущем, но и подводит значительный итог уже выполненной работе, как в области исследовательской, так и преподавательской, планомерно выдвинувшей молодые силы.

Пример Тбилисского университета наглядно показывает, как углубленное внимание к истории местной культуры тесно связывается с отдельными областями семитологии, для должного овладения которыми необходима основательная общесемитологическая база. От такого внимания к местным интересам семитологии несомненно выигрывает и общее ее развитие. Полезно напомнить, что благодаря трудам Г. В. Церетели в значительной мере стало возможным исследование такой специфической, совершенно новой и такой крайне важной области, как диалекты среднеазиатских арабов; для их лингвистического анализа очень благоприятным местом оказалась лаборатория экспериментальной фонетики университета.

Пример Тбилисского университета позволяет перейти и к некоторым выводам относительно дальнейшего развития нашей семитологии в университетах, современное состояние которой нельзя признать вполне удовлетворительным. Даже относительно арабского языка, практическая потребность в котором после восстановления наших непосредственных связей с арабскими странами самоочевидна, делается слишком мало. Если необходимость практического ознакомления с ним в известной мере удовлетворяется различными ведомственными институтами и курсами, то внимание к литературе и другим сторонам современной арабской культуры, за исключением Ленинградского и Тбилисского университетов, нигде не проявляется. Столь же недостаточно отражено у нас в университетском преподавании изучение роли арабов в истории мировой культуры. Кроме двух названных университетов, только в Московском, благодаря его сильной медиевистской традиции, сохраняется интерес к указанным проблемам. Очень слабо развита у нас, наконец, разработка арабских материалов, связанных с вопросами истории местного края и местной культуры. Примеру Тбилисского университета в этом направлении должны бы последовать не только

Баку и Ереван, но в не меньшей мере Казань и Ташкент. Правильное сочетание местных задач с изучением общих вопросов арабской культуры позволило бы в каждом из таких центров создать индивидуальный очаг, питающий ее местными материалами, который не повторял бы шаблонно других. Наша арабистика, кроме углубленного изучения стоящих перед ней задач, должна распространяться вширь по всей стране.

В противоположность арабистике, которая настоятельно требует расширения сети своих кафедр по различным университетам, общая семитология, особенно в полном составе, может быть сосредоточена в немногих, основных центрах. Она еще более, чем арабистика, нуждается в окружении полного цикла востоковедных и даже не востоковедных дисциплин. Разные ее области тесно связаны с дисциплинами, исследующими Древний Восток, с древне- и среднеиранской филологией, частично с хамитскими и африканскими языками, с изучением иранской, турецкой культуры, с исследованием христианского Востока, с византиеведением. Ясно, что такое полное сочетание, при малом количестве специалистов, возможно лишь в одном-двух крупнейших центрах страны. Это не исключает, однако, желательности того, чтобы отдельные семитологические кафедры, как показал пример Тбилисского университета, приобретали жизненное значение и реальную будущность в других университетах. В первую очередь это может быть сказано об ассиро-вавилонской клинописи, важность которой для истории всего Кавказа в древности чрезвычайно повысилась от последних археологических находок и знакомство с которой жизненно необходимо для всех кавказских университетов.

В такой же мере желательны в различных университетах кафедры древнееврейского языка, не только как одной из основных баз общей семитологии, но и как необходимого орудия для понимания культурной истории человечества в древности и в средние века, отчасти и в новое время, о чем говорит его широкое применение в современной Палестине. При учете специфических условий каждого центра соответствующая кафедра могла бы получить свою собственную, неповторяющуюся физиономию. Университет в Ереване мог бы использовать большое в настоящее время количество лиц из местного населения, для которых арабский язык не только является почти родным, но на котором они получили университетское образование; там следовало бы усилить преподавание на соответствующих факультетах, уделив особое внимание новой арабской литературе и диалектологии. Бакинский университет мог бы стать естественным центром изучения, между прочим, арабско-кавказской литературы последних веков, строя свою работу по этой линии в координации с Дагестанским филиалом Академии наук СССР.

При естественном и преимущественном внимании к арабистике вся история нашей науки и нашего востоковедения настойчиво подтверждает, что семитология в университетах не может ограничиваться одной арабистикой, тем более понимаемой узко практически. Необходимо углубление всех других областей с возможно полным охватом их в Ленинградском университете, где самостоятельная кафедра общей семитологии имеет уже почти вековую давность. В такой же мере желательно создание отдельных семитологических кафедр в других университетах: опыт Тбилисского университета показал, насколько успешны могут быть результаты при обдуманной и планомерно руководимой в этом направлении работе.

В этом опыте мы можем усмотреть частично воплощение идей, которые высказывал основатель новой школы русского востоковедения наш учитель В. Р. Розен, когда еще в 90-х годах он писал о восточном факультете и восточных кафедрах.